АКТЕРЫ

Наслаждение от игры артиста — это редкое состояние пережила я недавно на спектакле Театра Сатиры «Папа, папа, бедный папа...». Глядя в тот вечер на Валерия Гаркалина,,— он играл Джонатана,— я начинала понимать смысл фразы — «купается в роли». И процесс этот был столь заразителен, что в тебе самом вдруг вспыхивало неудержимое чувство свободы и раскрепощенности, неожиданное высвобждение той неведомой до поры до времени энергии, о чем, должно быть, и писал Антонен Арто, посвятивший свою жизнь разгадие метафизики Те

Среди утвердившегося на нашей сцене актера психологической школы, как редкие жемчужины, сверкали актеры и пругого способа существования и проживания роли. Острые, эксцентричные, блестящие в лепке внешнего рисунка, они творили подлинное пиршество игры, за которы_м стояло выс-шее выражение настоящей сценической свободы. В этом ряду прежде всего актеры Вахтангова, Мейерхольвиртуозы, как Раневская, да, такие виргуозы, кап ганоский, Глизер, Бирман, Гарин. Думается, что Гаркалин (я сейчас не о масштабах создаваемых образов — о манере игры) — актер именно этого направления. Школы, которая как бы раскручивает в своем ученике ту самую безудержную игру, что заложена в нем самой природой с ее склонностью самой природой к лицедейству. Раньше их называли антеры театра представления. Сейчас предпочитают не вспоминать ни о каких школах.

Думаю, именно к таким художникам обращался Михаил Чехов в статье «Мысли об искусстве актера»: «...Мы должны понять много. Мы должны овладеть всем темным, что в нас есть, и всем светлым, что мы можем получить,— и то и другое мы должны смешать внутри нас самих. И только тогда мы испытаем радость от нашей профессии. В нашей актерской творческой натуре, в нашей актерской и артистической воле заложено больше, чем в нас просто как в людях». ВАЛЕРИЙ ГАРКАЛИН: «Мое от-

ВАЛІЕРИМ ГАРКАЛИН: «Мое отношение к профессин гипертрофировано. Я не представляю себе, чем бы я мог заниматься, если бы не стал актером. А что касается актерской техники, самого способа существования на сцене... Мне сложно об этом говорить, поскольку роль рождается как бы сама по себе, параллельно моему сознанню, помимо моей воли.

Гаркалин часто в разговоре вспоминает строки Ахмадулиной:

Бог точно знал, кому какая честь. А мне дано не много и не мало. Всегда пребуду тем, что есть.

Пока не стану тем, чего не стало... Гаркалин — актер Театра Сатиры. Кроме того, он занят в двух спектаклях Театра-студии «Человек» — «Стриптиз» и «Летний день», а также в последних премьерах антрепризы Романа Козака «Банан» и группы Валерия Саркисова «Братья Карамазовы. Завтра суд». И на всех этих, таких разных сценических площадках его герои безощибочно узнаваемы по отточенному, кажется, вот-вот готовому взорваться пружинящему ритму, по мастерской огранке роли.

Когда его Джонатан в «Папе...», в этом смешном и горьком трагифарсе, поставленном по абсурдистской пьесе американского драматурга Артура Копита, впервые выбегает на сцену трогательный и доверчивый взрослый ребенок, от него не хочется оторвать глаз.

Этот юноша от рождения нездоров, про таких говорят — «слаб умом». А по сему Джонатан обречен прожить рядом с матерью, ожесточившейся от тоски и ненависти ко всему вокруг. Тайна, окутывающая смерть его от-

Тайна, окутывающая смерть его отца, становится ему известной, как бы просветляет его сознание. Жажда свободы и неприятие всякого насилия над собой вырываются вдруг наружу. Он будто прикоснулся к чему-то главному в этой страшной жизни, и это новое знание потрясает его.

Сорокалетний мужчина играет большого ребенка, причем ребенка с сильным дефектом речи. На всем протяжении действа роль свою Гаркалин решает одновременно с глубочайшим

психологизмом и тонким гротеском. Это — его жанр. Во всем своем роскошестве такой театр предлагает в своих абсурдистских пьесах Славомир Мрожек. Герой Гаркалина — из этого мира, и не случайно, что в его репер-

Мрожековские пьесы — в чистом виде метафоры: ясны, лаконичны и назидательны, блистательны в завершенности. Какие бы сложные философские проблемы ни ставил автор, решает он их как бы «шутя-играючи», снимая сугубую серьезность иронией и пародированием. Кажется, что этот многомудрый поляк настолько все про все давно понял, что с серьезной миной говорить об очевидном для него уже невозможно. А потому гротеск для Мрожека — дело повседневное, привычное. Прав Дюрренматт, заявивший: «Наш мир точно так же пришел к гротеску, как к атомной бомбе».

туаре три спектакля по Мрожеку.

ВАЛЕРИИ ГАРКАЛИН: Мрожек—совершенно особая планета, где ндет «другая» жизнь, здесь я абсолютно согласен с Романом Козаком. Артиста, нграющего эту «другую» жизнь, Мрожек как бы возвращает к его первоосновам, к первоначалам профессин. Он заставляет артиста отказаться от всех старых штампов, возможно, даже в достоинств, наработанных им за годы работы в театре. Мы чаще привыкли нграть исихологически узнаваемых, убедительно реалистических героев. Здесь, конечно, знаменитая Система дала себя знать со своим магическим «если», обязательным — «Ты в предлагаемых обстоятельствах».

Так вот Мрожек от всей этой «достоверности» предлагает раз и навсегда отказаться и начать с нуля. И не кажется, что наши актеры в послед че время вообще перестали играть. Чимею в виду именно понятие — «играть», а не выражать себя через роль. Мне то как раз интересно играть кого-то совсем другого, не похожего на меня. И вообще, по-моему, желание быть не самим собой, быть «другим» и есть профессиональное отличие именно артиста, если природа одарила его этим даром.

Мрожек как раз дает мне возможность быть «не самим собой».

Гаркалин очень любит автора. Автора как такового. Без отсебятины, без привнесения дополнительных мотивов и углублений. Эту школу уважения он прошел у Леонида Хаита, у которого учился на кафедре артистакукольника. «Помните, — говорил Хаит своим ученикам, с которыми по окончании курса создал знаменитый коллектив «Люди и куклы», — ваше счастье, ваш успех — в авторе. Ничего за него додумывать не надо. В нем есть

все. Как тольк ты от него отойдешь в «отсебятину», он и начнет тебе мстить, причем, в самых неожиданных местах, где ты и не ждешь».

где ты и не ждешь».

Когда Гаркалин после нескольких лет работы в Театре Образцова начал репетировать с Михаилом Зонненштралем «Контракт» Мрожека, он убедился в словах Хаита со стопроцентной наглядностью. Режиссер решил сократить текст, подредактировать Мрожека — спектакль стал длиннее на целый час! Пришлось вернуть-

После окончания института, когда весь курс во главе с учителем работал в Кемерово в театре «Люди и куклы», Гаркалин постиг крепость острого, яркого, лаконичного и фиксированного жеста, пластического ощущения масштаба, ритма образа; саму природу взаимоотношения артиста с предметами на сцене, умение их физически ощущать и отыгрывать,— все это, несомненно, из тех лет совместного твор-

У Гаркалина есть роль, успех которой, впрочем, определен именно пластическим решением. Я имею в виду «Стриптиз» Мрожека в Театре-студии «Человек».

Два персонажа оказываются закрытыми в какой-то странной комнате, из которой они безуспешно пытаются вырваться. Все их попытки пресекаются неведомой силой, воплощенной в двух огромных Руках, периодически проникающих в помещение. Дикие метания по комнате, перемежаемые таким же чудным диалогом, заканчиваются тем, что эти Руки забирают у них все, что есть,— начиная от портфеля и кончая ботинками. По сути этот час мы при-

тствуем при разыгрывании притчи о чи свободы и потребности в неи ри этом актеры (в этом дуэте выделяю Гракалина) играют изящно, легко и точно по пластике. Та же отточенная, выразительная пластика и в последней работе по

Мрожеку -

- спектакле «Банан», кото-

рый поставил Роман Козак.

В свое время, десять лет назад, Ко зак блестяще начал свою карьеру именно с Мрожека. Те «Эмигранты» как бы официально открыли путь польскому драматургу на нашу сцену. Неудивительно, что в новую свою работу режиссер пригласил Гаркалина.

ту режиссер пригласил Гаркалина. В этой изысканной, так и хочется сказать, — шикарной пьесе, все в той же своей изящной манере черного юмора-гротеска, Мрожек разыгрывает историю о непредсказуемости жизни, об обольстительном соблазне Красоты, вдруг оказывающейся Смертью, о тщете и истине, о случайном и вечном. Но этот рафинированный карнавал света, костюмов и режиссерских находок

И РОЛИ

ценен прежде всего актерскими работами.

Хочется обязательно сказать, насколько хороша и по-актерски точна . Елена Шанина.

Гаркалин играет официанта, который очень хорошо, как он сообщает присутствующим в кафе, знаком с загадочной дамой в изысканном туалете, вокруг которой и крутится сюжет. В результате ажурнейших плетений из диалогов и мизансцен, нескончаемых сюжетных перевертышей эта блестящая история заканчивается головокружительным танцем таинственной незнакомки. В самый кульминационный момент этой темпераментной румбы двое незадачливых посетителей падают бездыханными трупами, а официант обреченно склоняет голову.

Казалось бы, исход ясен. Смерть столь красива и соблазнительна, что победа всегда будет за ней. Но роковой танец в исполнении Аллы Сигаловой столь зажигателен, полон страсти и жизни, что начинаешь думать, не начало ли это чего-то совсем нового, непостижимого, закрытого для человека до поры до времени? Ведь эту свою последнюю пьесу (в оригинале— «Вдовы») Мрожек написал полтора года назад, пережив собственную клиническую смерть. Заглянув «туда», он, возможно, обрел последнюю Истичу — о нескончаемости жизни и за ее

Упоение игрой, при абсолютном чувстве ансамбля! — хорошо заметно и в самой последней работе артиста — в роли черта в сценах по «Братьям Карамазовым», поставленных В. Саркисовым. К сожалению, приходится отметить, что великий автор «раздавил» режиссера, но отдельные актерские работы — блестящи. Потому монолог черта в исполнении Гаркалина выглядит своего рода отдельным концертным номером.

ВАЛЕРИИ ГАРКАЛИН: Я просто выучил весь монолог, не опуская ни одного слова, ни одного междометня. Прежде всего, я получил колоссальное наслаждение от текста. Он ярок и самодостаточен сам по себе.

К сожалению, вольные интерпретации текстов — частые гости на нашей сцене. Ярчайший тому пример — спектакль, поставленный Михаилом Зонненштралем в Театре Сатиры «Шизофрения, как и было сказано». Ни много ни мало, это сценическая версия романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Роман Булгакова превратился в руках активного интерпретатора в дикую фантасмагорию, представленную нам через восприятие шизонутого Ивана Бездомного. Естественно, что и концепции обеих ролей, которые исполняет Гаркалин (он играет Мастера и Пилата), весьма сомнительны. А распутывать всю эту шизонуную историю, похоже, у постановщика и нужды не было.

Зато в другой недавней постановке Театра Сатиры «Горячее сердце», простодушной, веселой и Гаркалин играет Курослепова, точно попадая в ясный режиссерский замысел.

У Гаркалина есть и работы в кино, которые дороги ему возможностью испытать себя в новых условиях.

ВАЛЕРИИ ГАРКАЛИН: Место

ВАЛЕРИИ ГАРКАЛИН: место китера в кино и на сцене различно кино — это прежде всего вотчина режиссера. Актер здесь, грубо говоря, как двигающаяся декорация, которая не должна помешать общему перемещению в кадре. В театре же, каким бы он ни был авангардным, главное всетаки актер, а режиссер должен «умереть» в нем.

Артист — человек играющий, и пока он будет стремиться к Игре, до тех пор будет томить душу тайна, рождающая в зрителях и свидетелях ее сложное чувство, которое за нехваткой слов я называю, вслед за поэтом, шестым чувством:

...Так век за веком — Скоро ли, Господь? Под скальпелем Природы и Искусства

Кричит душа, Изнемогает плоть, Рождая орган для шестого чувства...

Татьяна НЕМЧИНСКАЯ.